

— Ваш брат скончался.

Голубая рубашка и темно-синяя куртка только подчеркивали еще один оттенок синего в глазах мужчины. Его редящая пшенично-блондинистая шевелюра, зачесанная налево, выглядела усталой, словно увядшей. Бледное лицо, на котором пылали румянцем ярко-красные щеки. Он представился и сказал, что он адвокат, но его имя я не запомнил.

— Не понимаю, — совершенно честно сказал я.

Вкус первой за утро чашки кофе еще не выветрился у меня изо рта, но вдруг приобрел жестяной, почти ржавый привкус.

— Ваш брат скончался, — повторил мужчина, пытаясь удобнее устроиться на моем диване.

Во всяком случае именно так я интерпретировал его ерзанье. За окном стояло прохладное и солнечное осеннее утро. Я это знал, потому что позволил Шопенгауэру сразу после завтрака занять его излюбленный пост и пошел к двери, как только раздался звонок. Через некоторое время адвокат чуть наклонился вперед и положил руки на колени. Куртка из блестящей ткани натянулась у него на плечах.

— Он завещал вам свой парк аттракционов.

Я поправил его, даже не задумываясь:

— Парк приключений.

— Прошу прощения?..

— Парк аттракционов — это Линнанмяки или Олтон-Тауэрс. Американские горки и карусели. Механизмы, в которые вы садитесь и позволяете швырять вас из стороны в сторону. А парк приключений — это место, где люди двигаются самостоятельно. Лазают и бегают, прыгают и ползают. Там есть скалодромы, канаты, горки, лабиринты — все такое.

— Кажется, я понимаю, — сказал адвокат. — В парке аттракционов есть катапульта с яркими мигающими огнями, которая подбрасывает людей в воздух. А в парке приключений есть... Ничего в голову не приходит...

— Замок приключений, — сказал я.

— Да, точно, замок приключений, — кивнул адвокат. Он явно хотел что-то добавить, но вдруг передумал. — Ну, наверное, в парке аттракционов тоже может быть замок приключений, как в парке Веккула в Линнанмяки. Там лезешь наверх, а потом, обливаясь потом, спускаешься вниз... А вот простую катапульту в парке приключений представить себе трудно. Сядишься в нее и чувствуешь, как тебя отрывает от земли... Думаю, я понимаю разницу, хотя вряд ли сумею ее корректно сформулировать...

— Мой брат умер, — сказал я.

Адвокат посмотрел на свои руки и быстро прижал одну к другой.

— Да, — сказал он. — Мои соболезнования.

— Как он умер?

— В своей машине. «Вольво-V70».

— Я имею в виду, что стало причиной смерти.

— Э-э...—замялся адвокат. — Сердечный приступ.

— Сердечный приступ? В машине?

— На светофоре. На бульваре Мунккинеми. Машины стояли в пробке. Кто-то постучал в водительское стекло. Он настраивал радио.

— Уже мертвый?

— Нет, разумеется, нет. — Адвокат покачал головой. — Он умер, пока его настраивал. Искал станцию классической музыки, если я не ошибаюсь.

— И он оставил завещание? — спросил я.

Юхани был, мягко говоря, человеком порывистым и импульсивным. Он жил одним днем. Чтобы он что-то планировал вперед, думал о завещании? Нет, на него это было совсем не похоже. Он шутил, что я умру от негибкости. Я говорил ему, что вполне себе жив и с гибкостью у меня все нормально, просто я хочу, чтобы все делалось по порядку, разумно и логично. И что свои действия я основываю на рациональном мышлении. По какой-то причине его это веселило. Тем не менее, будучи полной противоположностью друг другу, мы оставались братьями. Я не совсем понимал, как реагировать на новость о его смерти.

Адвокат полез в свой светло-коричневый кожаный портфель, достал из него тонкую черную папку и откинул зажимы в углах. Бумаг внутри было немного. Адвокат долго рассматривал верхний документ, прежде чем заговорить снова.

— Это завещание было составлено шесть месяцев назад, когда ваш брат нанял меня. Его последняя воля отличается простотой и ясностью. Вы получаете все.

Единственный, кроме вас, человек, упомянутый в завещании, это бывшая жена вашего брата, которая не получает ничего. Это специально подчеркнуто. Других родственников нет; во всяком случае он больше никого не назвал.

— Других родственников нет.

— Значит, все ваше.

— Все? — спросил я.

Адвокат снова посмотрел в свои бумаги.

— Парк аттракционов, — повторил он.

— Парк приключений, — поправил его я.

— Мне до сих пор трудно видеть разницу.

— Кроме парка приключений, больше ничего? — спросил я.

— В завещании больше ничего не упоминается, — сказал адвокат. — Краткое расследование показало, что другой собственности у вашего брата не было.

Мне пришлось мысленно повторить его последнее утверждение, чтобы в него вникнуть.

— Насколько мне известно, он был состоятельным и успешным предпринимателем, — сказал я.

— Согласно имеющейся у меня информации, квартиру он снимал, а машиной владел на паях с другим человеком. И за то и за другое он задолжал за несколько месяцев. И управлял этим... парком.

Разумеется, моей первой мыслью было, что все это бессмыслица. Потому что это и была бессмыслица. Юхани умер, по сути не оставив ни гроша. Оба этих утверждения казались мне крайне неправдоподобными. К тому же...

— Почему я только сейчас узнаю о его смерти?

— Он так хотел. Он просил, если с ним что-нибудь случится, сообщить мне, а я должен уведомить его родственника, но только после того, как будут закончены все формальности. То же касается и завещания. Связаться с наследниками следовало только после полной оценки всего, чем он владел.

— Он чем-то болел? Юхани знал, что он?..

Адвокат наклонился вперед на пару сантиметров. Он больше не выглядел усталым; казалось, что в нем проснулся почти энтузиазм.

— В смысле, есть ли причины подозревать, что его могли убить?

Адвокат посмотрел на меня с таким видом, будто мы с ним занимались чем-то невероятно интересным: разгадывали тайну или играли в викторину.

— Ну да... Или...

— Нет, — сказал он, качая головой. Его энтузиазм испарился. — Боюсь, ничего такого. Проблемы с сердцем. Что-то неоперабельное. Он мне об этом рассказал. Всегда был риск, что это случится, и однажды это случилось. У него просто остановилось сердце. Как правило, в смерти мужчины средних лет нет ничего загадочного. Боюсь, блокбастер из этого не слепить.

Я повернулся к окну и посмотрел на осеннее утро. Мимо окна пролетела пара ворон.

— Но взгляните на это с другой стороны, — раздался голос адвоката. — Это прекрасная возможность для бизнеса. Принадлежавший вашему брату парк...

— Нет, — сказал я. — Парки приключений — это не для меня. Я актуарий.

— Где вы работаете?

Голубизна глаз адвоката по интенсивности цвета располагалась точно между его рубашкой и курткой, так что в этом прослеживалась почти математическая симметрия. В других обстоятельствах это могло бы показаться интересным, но только не сейчас. Этим утром, в 7:32, после полутора недель неустанных поисков работы, последняя подходящая актуарию дверь захлопнулась у меня перед носом. Сразу после увольнения я разослал свое резюме во все уважаемые страховые компании, специально указав, что серьезно отношусь к традиционной математике и не хочу тратить время на всякую ерунду вроде укрепления корпоративного духа. Не получив ни одного ответа, я сам связался с ними и ошеломленно выслушал кучу банальностей. Один стремился к созданию гибкой командной динамики, другой мечтал о новой форме вычислений, основанной на алгоритме. Каждый объяснил, что в данный момент вакансий у них нет. Тут я мог им возразить. Я знал, что их компании набирают новых сотрудников. В ответ я слышал гулкую тишину, после чего разговор приходил к финальной точке и пожеланиям мне приятной осени.

— Сейчас я ищу новое место работы, — сказал я.

— И как продвигаются поиски?

Хороший вопрос. *Как* они продвигаются? По состоянию на это утро баланс явно сдвинулся в красную зону. Я не могу найти работу в своей области; мой брат умер; и я, похоже, стал владельцем Парка приключений.

— Я уверен, что ситуация разрешится разумным образом, — сказал я.

Вроде бы этот ответ удовлетворил адвоката. На его лице появилось такое выражение, словно он только что вспомнил что-то важное. Он снова обратился к своей папке. Конверт.

— Ваш брат оставил вам сообщение. Письмо. На всякий случай. Это была моя идея. Я сказал ему, что, как только завещание будет составлено, ему придется не откладывая сделать две вещи. Из-за его диагноза. Оплатить мои услуги и поприветствовать вас.

— Поприветствовать?

— Он выразился именно так. Я не знаю, что там. Как видите, конверт запечатан.

И правда. На конверте формата А5 было написано мое полное имя: «Хенри Пекка Олави Коскинен». Почерк Юхани. Когда мы виделись в последний раз?

Примерно три месяца назад мы пообедали с ним в районе Валлила. Я оплатил пиццу с пепперони, потому что Юхани забыл бумажник в машине. Разумеется, теперь я задумался: возможно, у него, помимо забывчивости, было чуть больше проблем с бумажником. О чем мы тогда разговаривали? Юхани рассказал о некоторых новых приобретениях для Парка приключений. Я упомянул об аксиомах теории вероятности Колмогорова и объяснил Юхани, что он должен совершать крупные покупки по одной за раз и лишь после того, как станет понятно, как много новых клиентов привлекает в парк каждое очередное приобретение. Юхани не выглядел больным, тем более — смертельно больным. Тем более — как человек, только что составивший завещание. А как обычно выглядят люди после составления завещания? Уверен, не существует общего для всех выражения лица,

хотя эти люди заглядывают за грань невозможного, пытаюсь повлиять на жизнь после смерти.

Я вскрыл конверт и достал из него сложенный лист бумаги.

ПРИВЕТ, ХЕНРИ!

На самом деле я не умер! Ха-ха-ха! Я знаю, что ты не смеешься, а мне хочется посмеяться. Ничего другого в голову не приходит. Нет, серьезно, если ты это читаешь, значит, я, скорее всего, действительно умер. Врачи говорят, что с моим пороком сердца все настолько хреново, что времени у меня гораздо меньше, чем я планировал. В любом случае думаю, сейчас ты уже в курсе. Я умер, а Парк приключений принадлежит тебе. У меня есть одно последнее желание. Мне никогда особенно не везло с деньгами, и с финансами Парка все не очень хорошо, не говоря уже о моих личных финансах. Мне никогда не хватало терпения все тщательно просчитать, взвесить и прийти к окончательным выводам. Но ты — гений математики! Как думаешь, сможешь ты вместо меня сохранить Парку жизнь? Это мое последнее желание. Вообще-то, это мое единственное желание. Вряд ли я когда-нибудь об этом говорил, но из всех моих бизнес-проектов — а ты знаешь, что за долгие годы их у меня было достаточно, — Парк самый важный. Я хочу, чтобы он был успешным. Ты, наверное, задаешь себе вопрос: почему. Боюсь, причин для этого не меньше, чем кредиторов.

Мне хочется, чтобы мне хоть что-то удалось. Чтобы после меня хоть что-то осталось. Есть и еще одна причина, которую ты узнаешь, когда справишься с задачей. Помнишь, как мы проводили лето у бабушки, подальше от дома, где вечно творилось черт знает что? Сейчас я часто вспоминаю те времена. Ты сидел в доме и считал, а я играл на улице. Но на рыбалку мы всегда ходили вместе. Если умер, то сядь дома, все посчитай, спаси Парк, а потом иди на рыбалку. Червей я заготовлю. (Извини, обязательная шутка — не смог удержаться.) Но все остальное — смертельно серьезно.

ЮХАНИ

Я почувствовал раздражение, граничащее с яростью. В этом был весь Юхани. С его полным и абсолютным отсутствием ответственности. Письмо было явно написано в спешке. Без предварительного обдумывания. Под влиянием минуты. В нем не содержалось ни одной рациональной мысли, ни одного серьезного аргумента. На месте детального анализа и ясного заключения зияла пустота. В тысячный раз в своей жизни мне захотелось сказать ему, что он порет чушь.

Но Юхани умер.

Меня охватила печаль. Я был зол, сбит с толку, раздосадован и — необъяснимым образом — обессилен. Все эти эмоции жгли мне легкие и скребли когтями грудь. Все указывало на то, что теперь я и в самом деле — владелец Парка приключений.

— Это все? — выдохнул я.

— Не совсем, — ответил адвокат, быстро нырнув в свой портфель, и отработанным жестом извлек из него еще один конверт, размером побольше. — Мой счет.

Он положил второй конверт рядом с первым, с письмом от Юхани. Я заметил, что на обоих написано мое имя. Адвокат в последний раз пролистал бумаги и подтолкнул ко мне папку.

— Мои поздравления, — сказал он. — Мои соболезнования.